

UDC/ЭОЖ/УДК 94(574)»19/...»
СICSTI/FTAMP/MPHTИ 03.09.55; 03.20.00

The “American Fever”: the attempted mass emigration of the German population from the Soviet Union in the late 1920s

Viktor Dönninghaus

*Doctor of History, Professor, North-East Institute (Nordost-Institut) of the University of Hamburg (Lüneburg, Germany). E-mail: v.doenninghaus@ikgn.de
<https://orcid.org/0000-0002-3124-4302>*

Keywords: USSR; Germany; Soviet Germans; national minorities; collectivization; emigration; «American fever»; Mennonites

Тірек сөздер: ССРО; Германия; советтік немістер; ұлттық азшылықтар; ұжымдастыру; эмиграция; «Американдық дүрлікпе»; меннониттер

Ключевые слова: СССР; Германия; советские немцы; национальные меньшинства; коллективизация; эмиграция; «американская лихорадка»; меннониты

The article examines the case of the mass emigration of Germans from the Soviet Union to Europe and America in the late 1920s, referred to as the “American fever”. Based on unpublished archival materials from the collections of RGASPI (Russian State Archive of Social-Political History) and GARF (State Archive of the Russian Federation), as well as documentary collections, German periodicals of the era, and contemporary research, the study presents a comprehensive account of the alterations in the conditions of departure from the USSR for Soviet citizens of German nationality, encompassing both reunification with relatives and resettlement for permanent residence in Germany, Canada, and other countries. Throughout the first half of the 1920s, Germans were granted relatively unrestricted travel as a means of eliminating “internal enemies” and “declassified elements”. Later, the Soviet government made decisions to restrict and ultimately prohibit mass emigration from the USSR. The underlying factors and reasons for the expulsion of the German-speaking Mennonite community from the USSR, which possessed a prominent anti-Bolshevik stance, and the subsequent prohibitions on their emigration are scrutinized. The primary factors that sparked emigration sentiments in the German countryside were collectivization, the struggle against religion, hunger, and oppression. The aforementioned “American fever” garnered significant international attention and resonance in the Western media. In response, the Soviet leadership implemented “preventative measures” to eradicate the emigration movement. A flurry of raids, arrests and repression swept through German villages and the Sovietization of the German countryside intensified. German peasants who had gathered near Moscow were forcibly evicted back. Only 5,671 German nationals were able to leave the USSR, while most of the emigrants were forcibly returned, and all of them were placed under supervision, or detained by the OGPU. The Soviet government was unprepared for mass emigration from the USSR as a non-violent form of resistance. The mass nature of the emigration movement as well as the appeal of the Germans to a foreign state, in this case to Germany, for help, clearly showed the Bolshevik government a low degree of loyalty, both of the refugees themselves and their local supporters.

For citation: Dönninghaus Viktor. 2023. The “American Fever”: the attempted mass emigration of the German population from the Soviet Union in the late 1920s. *Qazaq Historical Review*, 1 (3), 365–388 (in Russian).

«Американдық дүрлікпе»: 1920 жылдардың аяғында неміс халқының Совет Одағынан жаппай эмиграциялану ұмтылысы

Виктор Дённингхаус

*тарих ғылымдарының докторы, профессор, Гамбург университетінің жанындағы
Нордост институты (Nordost-Institut), Люнебург, Германия*

Мақалада 1920 жылдардың аяғында «американдық дүрлікпе» деп аталатын неміс халқының Совет Одағынан Еуропа мен Америкаға эмиграциялану тарихы қарастырылады. Мақалада РМЭСТА (РГАСПИ), РФМА (ГАРФ) қорларынан алынған тарихи материалдар және жарияланған құжаттық жинақтар, 1920 жылдары неміс мерзімдік басылымдарының, тақырыпқа қатысты зерттеулерге сүйене отырып ұлттық белгі ретінде неміс деп топтасты-

рылған совет азаматтарының КСРО-дан кету жағдайларындағы өзгерістер хроникасы көрсетілген. Бұл Германия немесе Канадаға қоныс аударулар туған-туыстарымен бас қосу және тұрақты орын ауыстыру мақсаттары негізінде көрініс тапқан. Егер 1920 жылдардың бірінші жартысында немістердің көшіп кетуі «ішкі жаулардан» және «жіктеуге қиын элементтерден» құтылу деп қарастырылып салыстырмалы түрде еркін болса, уақыт өте келе Совет үкіметі КСРО-дан жаппай эмиграцияны шектеу және кейіннен тыйым салу туралы шешімдер қабылдады. Большевиктерге ниеттес еместігі айқын неміс тілді меннониттер қауымының КСРО-дан кетулерінің мән-жайы мен себептері қарастырылып, ақырында олардың эмиграциялануына тыйым салу жолдары қарастырылады. Неміс ауылынан көшіп кету көңіл-күйін тұдыратын негізгі себептері ұжымдастыру, дінге қарсы күрес, аштық және орын алған қуғын-сүргін науқандары болды. «Американдық дүрлікпе» Батыс баспасөзінде халықаралық назарды иеленіп үлкен резонансқа ие болды. Бұған жауап ретінде совет басшылығы эмиграция қозғалысын жоюдың «алдын алу шараларын» қабылдады. Бұл өз кезегінде жаппай қаумалап ұстау, тұтқындау, қуғын-сүргінге ұшырату арқылы неміс ауылдарын советтендіру қарқынын күшейту шараларының орын алуына әкеліп соқты. Сондай-ақ, Мәскеу маңында шоғырланған неміс шаруалары күштеп кері қуылды. Нәтижесінде, неміс ұлтының 5671 өкілі ғана КСРО-дан кете алды, ал эмигранттардың көпшілігі, 8 мыңға жуық адам күштеп кері қайтарылды. Олардың барлығы «бақылауға» немесе ОГПУ қамауға алынды. Орталықтағы және жергілікті жердегі совет басшылығы КСРО-дан жаппай эмиграция түріндегі қарсылықтың бұндай зорлықсыз түріне дайын емес болып шықты. Эмиграциялық қозғалыстың жаппай сипатта орын алуы және немістердің өзге шетелдік мемлекетке, яғни Германиядан көмек сұрауы большевиктер үкіметі үшін оларды Советтік билікке адал емес категория ретінде айқындады.

Сілтеме жасау үшін: Дённингхаус В. «Американдық дүрлікпе»: 1920 жылдардың аяғында неміс халқының Совет Одағынан жаппай эмиграциялану ұмтылысы. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (3). 365–388-бб. (Орысша).

«Американская лихорадка»: попытка массовой эмиграции немецкого населения из Советского Союза в конце 1920-х годов

Виктор Дённингхаус

*доктор исторических наук, профессор, Институт Нордост (Nordost-Institut)
при Гамбургском университете, Люнебург, Германия*

В статье анализируется история эмиграции немецкого населения из Советского Союза в конце 1920-х годов в Европу и Америку, получившая название «американская лихорадка». На основе неопубликованных архивных материалов из фондов РГАСПИ, ГАРФ, а также документальных сборников, германской периодической печати того времени и современных исследований показана хроника изменений условий выезда из СССР советских граждан немецкой национальности, как в целях воссоединения с родственниками, так и переселения на постоянное место жительства в Германию, Канаду или другие страны. Если в течение всей первой половины 1920-х годов для немцев сохраняли относительно свободный выезд, как средство избавления от «внутренних врагов» и «деклассированных элементов», то в последующем советское правительство принимало решения об ограничении и последующем запрете массовой эмиграции из СССР. Рассматриваются обстоятельства и причины выезда немецкоговорящей общины меннонитов из СССР, имевшие ярко выраженный антибольшевистский характер, последующих запретов на их эмиграцию. Основными причинами, подстегнувшими эмиграционные настроения в немецкой деревне стали коллективизация, борьба с религией, голод, репрессии. «Американская лихорадка» получила международную огласку и большой резонанс в средствах западной печати. В ответ советское руководство приняло «превентивные меры» по ликвидации эмиграционного движения, по немецким селениям прокатилась волна облав, арестов и репрессий, принимались меры по усилению советизации немецких селений. Немецких крестьян, скопившихся под Москвой, насильно выселяли назад. Только 5671 представителем немецкой национальности смогли покинуть СССР, тогда как большая часть эмигрантов, около 8 тысяч человек, была насильственно отправлена назад. Все они были взяты «на контроль» или арестованы органами ОГПУ. Советское руководство в центре и на местах оказалось неготовым к ненасильственной форме сопротивления в виде массовой эмиграции из СССР. Массовость эмиграционного движения, а также обращение немцев за помощью к зарубежному государству, в данном случае Германии, однозначно определили в глазах большевистского правительства низкую степень лояльности к советской власти, как самих беженцев, так и их многочисленных сторонников на местах.

Для цитирования: Дённингхаус В. «Американская лихорадка»: попытка массовой эмиграции немецкого населения из Советского Союза в конце 1920-х годов. *Qazaq Historical Review*. 2023. № 1 (3). С. 365–388.

Введение

В течение всей первой половины 1920-х годов сохранялся относительно свободный выезд из СССР советских граждан немецкой национальности, как в целях воссоединения с родственниками, так и переселения на постоянное место жительства в Германию или другие страны¹. Данное явление характеризовало не столько наличие демократических свобод в СССР, сколько позицию Кремля, согласно которой советское государство покидали в основном лица, недовольные новым социальным строем, что позволяло сократить число «внутренних врагов» и недоброжелателей.² Так, к примеру, в апреле 1922 года (18.–19.04.) Политбюро ЦК КП(б)У, обсуждая проблемы «резэвакуации, репатриации и эмиграции немецкого населения», подтвердило тезис о допустимости выезда части его, а именно – всех «деклассированных элементов, которых невозможно было бы использовать в производящем хозяйстве». По мнению руководства компартии Украины, такого рода эмиграция была бы только на пользу «производственным интересам страны» [Осташева 1998: 153]³. Принимая в ноябре 1926 года решение о фактическом запрете массовой организованной эмиграции меннонитов из СССР, КОМСТО тем не менее предлагала «предусмотреть те категории граждан (безработные, лица, имеющие в Канаде близких родственников), эмиграцию которых КОМСТО считает возможным допустить без ограничения» [Савин 2006: 294–296].

Относительно свободной эмиграции из СССР, несомненно, способствовала и заинтересованность Кремля в налаживании экономического и политического сотрудничества со странами Запада, что вынуждало советское руководство поддерживать сложившиеся нормы международного права [Тоews 1967]. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в начале 1920-х годов в СССР набирал силу НЭП, складывались сравнительно благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития крестьянства, что, в свою очередь, несколько поубавило общее число желающих эмигрировать.⁴ Сказывалось и потепление отношений Советского Союза с Германией, выразившееся в налаживании обоюдновыгодного сотрудничества в области экономики, в культурной, военной и научной областях.

Результаты

Основную часть немецкоговорящего населения, выезжавшего в этот период из СССР, составили именно меннониты, первыми осознавшие всю бесполезность как сопротивления политике советской власти, так и попыток конструктивного диалога с ее носителями [Савин 2006: 192–200]. Сложилась парадоксальная ситуация: представители немсеций ВКП(б)/ЛКСМ пытались различными мерами ускорить «советизацию» немецкой деревни, одновременно борясь с религией, «пережитками прошлого» и эмиграцией. Эту борьбу можно было бы сравнить с человеком, застрявшим в болоте: чем больше он пытается выбраться, тем глубже проваливается в трясину. Другими словами, чем больше «советизировалась» немецкая деревня, тем меньше желающих было в ней оставаться, что наиболее четко проявилось в меннонитских селениях. Безуспешная попытка создания Центрального менно-

¹ Немецкая реэмиграция из России началась в 1870-е годы. В 1871 году царский указ отменил привилегии немецких колонистов в отношении самоуправления, уравнив их в правах с русскими крестьянами, освобожденными реформой 1861 года. Тогда же, было объявлено и о предстоящем введении в стране всеобщей воинской повинности. Вместе с попытками перевода общинного делопроизводства на русский язык это обстоятельство было неприязненно встречено колонистами, в особенности их меннонитской частью. Уже в 1870-е – начале 1880-х годов состоялась массовое переселение меннонитских семей из Новороссии в США и Канаду. К меннонитам присоединились немцы – представители других конфессий (лютеране и католики), десятки тысяч которых покинули насиженные места и переселились в США, Бразилию и Аргентину. Более подробно, см.: [Dönninghaus 2002: 157–161].

² См.: Протокол №14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам, от 25.03.1930 [ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 70об].

³ Ср.: [Тоews 1972: 652–677]. В 1924 году советское правительство выдало разрешение на выезд из страны девяти тысячам меннонитов: 5 тыс. меннонитов было из Украины и 4 тыс. – из России. См.: [Савин 2006: 117].

⁴ См.: [Джафарли 1998: 88–89]. Ср.: [Unger 1923: 471–473].

нитского представительства в Москве (1920–1921) также сыграла свою роль в усилении оттока меннонитов из СССР, так как большинство из них оказались не в силах противостоять поборам региональных властей [Gebhardt 1924: 5–6]. В целом за время НЭПа за океан переместилось около 20 тыс. меннонитов, не пожелавших принимать участие в качестве «подопытных» в «великом социальном эксперименте» [Ehrt 1931: 159; Brandes, Savin 2001: 278]. Большую часть из них – около 60% – составили выходцы из Украины, где успехи советизации были намного заметнее, чем на восточных окраинах страны.

В ответ на опубликованную 18 августа 1926 года в DZZ статью «Эмиграция или переселение?», в которой ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) открыто обвиняло меннонитское руководство в «тайной агитации» за выезд из СССР, тут же последовало критическое письмо Товевса (Toews), рассуждавшего несколько иначе:

Из каких регионов больше всего эмигрируют меннониты в Америку? Каждому известно – из Украины. Чем же можно объяснить, что как раз там, где немецкие секции наиболее активно развернули свою деятельность, у меннонитов растет желание, как можно скорее, покинуть свою родину? [ГАРФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 292. Л. 124].

Бесспорно, что эмиграционное движение меннонитов имело ярко выраженный антибольшевистский характер, причины которого следует искать в проблемах экономического и культурного развития религиозных общин в условиях советской власти. Нестабильность хозяйственного и политического положения меннонитов, недалёковидная и волюнтаристская политика государства по отношению к их национальным традициям, а главное, противоборство атеизма и религии, государственной и частной собственности только стимулировали их отъезд [Сахаров, Христофоров 2003, 5: 48].

Решившиеся на эмиграцию прибегали к услугам многочисленных международных религиозных организаций, предоставлявших им через различные транспортные компании т.н. «кредитовые шифскарты» – оплаченные частично или полностью проездные билеты до места назначения. Для приобретения билета на пароход требовалась «характеристика» от старейшин и представителя церкви, подтверждавшая национальную и религиозную принадлежность эмигранта, его моральные качества, профессиональную подготовку и т.д. [Brandes, Savin 2001: 278–279]. Основным посредником выступало акционерное общество РУСКАПА, которое только в 1924–1928 годах обслужило около 13,5 тыс. человек. Кроме РУСКАПА активное участие в организации эмиграции меннонитов в Парагвай принимало американское акционерное общество «Борд», располагавшее специальным эмигрантским фондом (по сведениям ОГПУ он равнялся 1 млн. долларов) [Белковец 1995: 15–16]. Однако если в 1926 году из СССР выехало 4 тыс. чел. немецкой национальности, то в 1927 году – всего 416 человек [ГАРФ, ф. Р–3316, оп. 42, д. 99, л. 69].

Подобное положение объяснялось не столько быстрым восстановлением крестьянского хозяйства, временным попустительством местных властей несколько «поослабивших вожи» в немецкой деревне или спадом эмиграционных настроений, сколько введенными с конца 1926 года общими ограничениями на выезд из СССР «производительных сил». 29 ноября 1926 года КОМСТО, заслушав на уже упоминавшемся выше заседании вопрос о выезде меннонитов из страны, «предложила» всем пароходным кампаниям отказаться от субсидированной (кредитовой или полукредитовой) перевозки, а их агентствам – от любой агитации за выезд из Советского Союза. Органам ГПУ, в свою очередь, было предписано принять меры к роспуску всех «незаконно существующих организаций», способствующих эмиграции меннонитов, отменить все льготы при выдаче им заграничных паспортов (включая оформление «коллективных» выездных документов), а также оповестить всех желающих эмигрировать о запрете ликвидации их хозяйств до получения «в законно уставлен-

ном порядке» документов на выезд [Белковец 1995: 17; Осташева 1998: 160–161; Brandes, Savin 2001: 279–280].

В начале декабря 1926 года (9.12.) вышел секретный циркуляр ЦИК'а и СНК СССР, в котором всем местным органам власти предписывалось отказывать в льготах и освобождении от сборов при оформлении выездных документов не только гражданам, лишенным избирательных прав и находящимся под судом и следствием, но и тем, чей выезд за границу был бы «нецелесообразен с точки зрения общегосударственных интересов». Таковым был признан и выезд меннонитов. 22 февраля 1927 года Межведомственное совещание при НКВД пришло к следующему заключению:

Принять к сведению заявление представителя Наркомзема, что комиссариат земледелия Союзных республик заинтересован в прекращении эмиграции меннонитов, ибо, как показывает практика, в Канаду отплывают в порядке эмиграции меннониты, ведущие наиболее культурные хозяйства на территории Советского Союза.

Констатировав согласие с этой точкой зрения представителей всех заинтересованных ведомств, совещание также приняло к сведению заявление представителя ОГПУ о том, что по линии ведомства тайной полиции «несколько времени тому назад уже были сделаны нужные распоряжения о проведении жесткой линии в смысле максимального сокращения эмиграции меннонитов в Канаду» [Савин 2006: 203].⁵

Следствием всех этих директив Центра стали многочисленные бюрократические проволочки при оформлении выездных виз, прямой отказ в выдаче заграничного паспорта без объяснения каких-либо причин, преследования проповедников за выдачу рекомендаций на выезд, а также яростная антименнонитская кампания, развернувшаяся в немецкоязычной прессе под эгидой партийных и комсомольских органов. Несмотря на все принятые Центром меры, число меннонитов, желавших эмигрировать из СССР, регулярно увеличивалось. По данным, представленным Сталину зам. председателя ОГПУ Генрихом Ягодой, в РУСКАПА и Совторгфлоте к началу 1927 года официально зарегистрировались на выезд из страны около 7,5 тыс. меннонитов. К концу апреля 1927 года численность потенциальных эмигрантов только на территории РСФСР выросла до 10 тыс. человек [Сахаров, Христофоров 2003, 5: 48, 333]. Эмиграционные настроения, наиболее ярко проявившиеся у меннонитов, имели хождения и среди немцев – представителей других конфессий. Так, начальник Информационного отдела ОГПУ СССР Николай Алексеев, оценивая положение в немецких селениях СССР осенью 1927 года (т.е. еще до XV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на коллективизацию сельского хозяйства), в своей аналитической записке в адрес высшего партийного руководства делал следующие прогнозы на будущее:

Слухи о войне [в этот период особо обострились советско-польские и советско-английские отношения. – В.Д.] усилили эмиграционные настроения среди колонистов. Отдельные колонии предполагают целиком эмигрировать в Америку и Канаду. Эмиграционное настроение, вызванное недовольством колонистов принципами землепользования, ограничивающими возможность расширения хозяйств, существовало и раньше, и лишь усилилось в связи со слухами о войне... [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 289. Л. 27].

В 1928 году желание эмигрировать охватило еще больший круг немецкоговорящего населения СССР, что напрямую было связано как с ликвидацией меннонитских кооперативных объединений в стране, активизацией процесса «раскулачивания» и коллективизации, так и новым витком репрессивной политики по отношению к религии и верующим. С 1928 года религиозные общины были лишены права осуществлять благотворительную деятельность, а также оказывать верующим медицинскую и иную помощь. 8 апреля 1929 года вышло совместное постановление ЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях», направленное

⁵ См. также: [Белковец 1995: 18].

на максимальное ограничение роли и влияния религиозных организаций на общественную жизнь. Подстегнул волну немецкой эмиграции голод, охвативший к весне 1928 года все южные округа Украины и явившийся прямым следствием «социальных реформ», жесткой хлебозаготовительной кампании и административного произвола в деревне [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 239–240].

На страницах германской прессы все чаще стали появляться репортажи о раскулачивании в немецкой деревне, борьбе с религией, насильственной коллективизации и желании колонистов любыми путями покинуть советское государство. Одна из первых заметок об «ужасных испытаниях немецкой семьи из России» появилась в газете «Der Völkische Kurier» (29.05.1929) и повествовала о том, с какими сложностями и перипетиями пришлось столкнуться ее членам при выезде из СССР. Также германская печать не обходила стороной проблемы «социальных реформ» в немецких колониях СССР, прогнозируя предпосылки массового голода на юге страны и провоцируя читателей заголовками типа «В России голодают немецкие семьи» [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 268–269]. Не оставались безучастными к судьбе советских немцев и дипломатические представительства Германии в СССР, регулярно представлявшие в Берлин информацию о положении в немецкой деревне и нуждах «братьев по вере». Уже с конца июля 1928 года в посольстве Германии в Москве стали разрабатываться мероприятия на случай необходимости оказания продовольственной помощи «колонистам». С весны этого же года, в поездку по южным регионам СССР для ознакомления с хозяйственным состоянием «немецких колоний» был послан атташе Германского посольства Отто Аухаген (Otto Auhagen), курирующий вопросы сельского хозяйства. Несмотря на то, что дела в «русских» деревнях обстояли намного хуже, чем в немецких селениях, Аухаген все же порекомендовал выделить гуманитарную помощь украинским немцам, аргументируя это интересами Германии в сфере «укрепления духовно-культурной связи с колонистами» [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 239–240, 268–269, 276–277].

В отличие от начала 1920-х годов, когда массовый голод был официально признан советским правительством и оно само ходатайствовало о международной поддержке (включая германский Красный Крест), существование «критической продовольственной ситуации» в 1928 году полностью отрицалось Кремлем, уже даже не допускавшем и мысли о «вмешательстве» Запада.

Особенностью эмиграционного движения немцев конца 1920-х годов явилось, прежде всего, то, что в нем приняли участие представители всех социальных слоев. Причем, именно немецкая беднота составила основной костяк желавших выехать из СССР, несоизмеримо превысив долю представителей из «зажиточных слоев»⁶. Создание «единого национального фронта», выступавшего против коллективизации, массовое желание колонистов эмигрировать из страны, а также активизация германских дипломатических служб вынудили руководство ЦК ВКП(б) более детально заняться «немецкой проблемой»⁷. 24 октября 1928 года, после «инспекции» немецких селений Крымской АССР, Южной Украины и Сибири сотрудником Германского посольства Аухагеном,⁸ Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение о создании специальной комиссии из работников Отдела по работе в деревне и ЦБ немсекций. Целью комиссии явилась проверка состояния «партийно-советской работы и хозяйственного строительства в немецких колониях», а главное – выявление причин, по-

⁶ Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах, (от 02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 110б]. Ср.: Aufzeichnung für die Botschaft, v. 28.10.1929 [Auhagen 1942: 59].

⁷ См.: Обзор политического состояния СССР за май 1928 года [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 276–277].

⁸ Так, в 1928 году Отто Аухаген лично побывал в целом ряде регионов СССР, с целью обследования положения немецкого населения: в мае – в Крымской АССР; в июле–августе – в Украине; в августе–сентябре – в Сибири. См.: Aufzeichnung vom 14. November 1929 für das Außenkommissariat der UdSSR [Auhagen 1942: 74–75].

буждающих немецкое крестьянство к эмиграции из СССР. Выводы, к которым в результате детального обследования целого ряда округов и районов Советского Союза пришли ее члены, не вполне вписывались в традиционную схему о «вредителях» и «классовых врагах». Дело в том, что основную тяжесть вины за эмигрантские настроения комиссия возложила не на «кулаков» и духовенство, а на местные советские и партийные органы. Так, практически во всех обследованных ею регионах были зафиксированы более высокие нормы обложения налогами немецких колоний, чем находящегося по соседству иноязычных деревень – при фактически одинаковой урожайности и доходности хозяйств⁹. При этом общая сумма налогообложения немецких крестьян год от года не просто увеличивалась, а росла в прогрессии. Так, к примеру, если в колонии Глюксталь (АМССР) в 1927/28 хозяйственном году немцы внесли в государственную казну 12.130 руб., то в 1928/29 – уже 26.100 руб., в колонии Софиевка (Криворожский округ) соответственно 17.043 руб. и 29.528 руб. и т.д.

Год от года растущие налоги легли главным образом на плечи немецкого «средняка», так как национализация земли, раскулачивание и землеустройство существенно изменили лицо немецкой деревни, которая не только в значительной степени «осереднячилась», но и сильно обеднела.¹⁰ Оценка хозяйственного положения немецких колоний «как сплошь кулацких» привела к повсеместным «перегибам» в отношении лишения части населения избирательных прав (до 12%), нарушению «революционной законности» в процессе хлебозаготовок, когда зерно насильно изымалось не только у «кулаков», но и бедняков. Безусловно, что подобные «мероприятия» советской власти, особенно на фоне развернувшейся борьбы с религией, не могли не подстегнуть эмиграционные настроения в немецкой деревне, породив многочисленные лозунги в ее пользу:

Советская власть хочет, чтобы мы все были бедными;

Советская власть разоряет немецкое крестьянское хозяйство путем более высокого налогового обложения;

В Америке и Германии лучше жить, там можно хозяйничать, как хочется.¹¹

В отчете комиссии однозначно давался прогноз на дальнейшее расширение эмиграционного движения среди немцев по всей стране (в Крыму, Украине, Сибири и Северном Кавказе), массовость которого сдерживалась только «административными мерами», в том числе отказами в выдаче паспортов.¹²

Вместе с тем комиссия выявила довольно своеобразную специфику развития немецкой деревни в послереволюционный период.

Во-первых, темпы кооперирования в немецких колониях были очень высокими: по линии потребительской кооперации было объединено около 85% немецких хозяйств, по

⁹ Так, в Крымской АССР, к примеру, в сельсовете Нойзатц (Neusatz) (всего 5 селений) две немецкие колонии (166 хозяйств, 1.300 дес. земли) обязаны были сдать 38 тыс. пудов хлеба, а два русских и одно татарское село (274 хозяйства, 2.700 дес. земли) в пять раз меньше (7 тыс. пудов). См.: Доклад о хозяйственном и культурном строительстве в немколониях СССР (20.11.1929) [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 128]. Ср.: [Бруль 2000: 237–238].

¹⁰ Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 60–61об]. Документ частично опубликован: [Савин 2006: 234–236]. Ср.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (от 02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 10, 21].

¹¹ Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 67]. Ср.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (от 02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 10 об.–11].

¹² Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 67–68об]. Ср.: Обзор политического состояния СССР за май 1928 года [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 276–277].

линии сельскохозяйственной – 65%.¹³ Причем, «зажиточная и кулацкая часть» немецко-крестьянства была кооперирована в большей степени, чем ее «бедняцко-средняцкая часть». ¹⁴ Несмотря на социальное и имущественное расслоение колонистов, главной предпосылки «обострения классовой борьбы», ¹⁵ все попытки властей расколоть немецкую деревню на «богатых и бедных» особого успеха не имели. Фактор религиозно-культурной традиции оказался более сильным средством внутреннего сплочения немцев, особенно у меннонитов, чем ростки «классовой ненависти». Именно этим обстоятельством комиссия объяснила и «неправильное использование фондов кооперирования», который в немецких селениях распределялся без соответствующей «классовой дифференциации» как «кулакам», так и беднякам.¹⁶

Во-вторых, несмотря на определенные успехи коллективизации в немецкой деревне,¹⁷ социальный состав колхозников был весьма далек от «идеала»: в колхозах мирно сосуществовали не только бедняки и середняки, но и кулаки.¹⁸ По мере «продвижения к социализму» число немцев, желающих сотрудничать с органами советской власти, таяло на глазах. Так, если в колонии Константиновка (Терский округ) в работе секций при сельсовете в 1926 году участвовало 122 чел., в 1927 – 61, то в 1928 всего – 27. В немецких селениях Славгородского округа Сибирского края в 1928 году в работе секций при сельсоветах вообще было задействовано всего три человека, и то «со стороны». Причем подобные явления имели место повсеместно. По данным комиссии, выдвижение немцев во власть из бедняцко-батрацкого актива было редким исключением, а если оно и имело место, то заполнение предоставленной «квоты» проводилось первой попавшейся кандидатурой.¹⁹

В-третьих, на фоне «русификации» немецких сельсоветов, острого недостатка «красных» учителей и слабости партийно-комсомольских организаций еще более усилилась роль духовенства в немецкой деревне,²⁰ активно формировавшего «единое религиоз-

¹³ Как заметил инструктор Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам Шалюпа: «Это процент, который не сравним со средним уровнем по Советскому Союзу, это величайшее достижение...». См.: Стенограмма заседания Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР (9.12.1929) [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 99. Л. 72]. Так, уже к маю 1929 года, количество колхозов в национальных немецких районах в УССР возросло почти в два раза, а число «обобщественных» крестьянских хозяйств – в три. См.: [Иваненко, Голуб 1996: 151].

¹⁴ Так, например, в колонии Мемриково и Александровка Сталинского округа немецкие хозяйства «без рабочего скота» были кооперированы на 67%, с «одной и двумя головами рабочего скота» – на 85%, с тремя – на 90%, а с четырьмя – даже на 96%. См.: Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немколхозной Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 62].

¹⁵ См. к примеру: Экономическое состояние и динамика расслоения немецкого крестьянства Покровского района (Оренбургский округ) в 1926/27–1929/30 годах [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 23–23об].

¹⁶ В Терском округе, к примеру, из 18 членов правления Немецкого сельхозтоварищества только шестеро колонистов относились к бедноте, зато восемь – к середнякам, четверо – к «зажиточным и кулакам». Сравни также: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 14–16].

¹⁷ Так, если в Северо-Кавказском крае в 1927 году в колхозы вошли только 1,7% немецких хозяйств, то в 1928 – уже 19,6%.

¹⁸ Например, в Северо-Кавказском крае доля середняков в колхозах составила к началу 1929 года 42,9%, кулаков – 6,1%. См.: Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 62–63].

¹⁹ Подобный «формально-бюрократический» подход позволил выдвинуть в Одесском округе в члены ЦИК'а Союза ССР «бывшего активного участника восстания против советской власти», в Крымской АССР в члены ВЦИК'а – «кулака», в Терском округе в члены ОИК'а – «пьяницу» и т.д. См.: Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 63–63об]. Ср.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 9].

²⁰ Так, если в Вольском округе (УССР) в 1926 году было зарегистрировано 11 евангелических общин (1.225 чел.), то через год их число увеличилось почти втрое, достигнув 30 (2.699 чел.). См.: Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 66].

но-национальное объединение всех немцев», в независимости от их имущественного положения.²¹

Высшее партийное руководство не совсем удовлетворило выводы и оценки «состояния немецкой деревни», к которым пришли члены комиссии. Вместе с тем, руководство ЦК ВКП(б) все же получило то, что и требовалось доказать – наличие подрывной деятельности «классово-враждебных элементов» в немецких селениях и районах СССР. Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» от 12 апреля 1929 года, в котором указывалось на необходимость принятия срочных мер в отношении представителей немецкого меньшинства, явилось конечным результатом «обработки» материалов указанной комиссии.²² Однако, несмотря на явный кризис в немецкой деревне, это постановление ЦК ВКП(б) «конструктивным» назвать было бы сложно.

Попытки анализа глубинных причин роста эмиграционных настроений у немцев СССР, изложенные в отчете комиссии, фактически остались невостребованными. В целом, содержание постановления сводилось к пяти основным «блокам»:

- 1) мобилизовать руководящих партработников для «разоблачения антисоветской сущности агитации за эмиграцию»;
- 2) провести 100% охват сельхозкооперацией всех немецких крестьян; приступить к строительству МТС и колхозов-гигантов;
- 3) обратить повышенное внимание на культурное обслуживание немецкой деревни;
- 4) активизировать процесс «коренизации» советского аппарата и перевода всей массовой работы на немецкий язык;
- 5) продолжить вовлечение в ВКП(б) бедняков, батраков и «лучших элементов» из колхозников.²³

Другими словами, апрельское постановление ЦК ВКП(б) свелось к общим «предложениям» всей вертикали власти, как партийных, так и советских органов, повторив, уже не раз изложенные и апробированные ЦБ немсекций «проекты», для внедрения и осуществления которых в немецкой деревне не было ни соответствующей базы, ни подготовленных сил.

Так как в это время в высших эшелонах власти разворачивалась борьба между сторонниками и противниками НЭПа,²⁴ отстранялась от власти «правая оппозиция» и страна все глубже погружалась в экономический кризис, апрельское постановление Секретариата ЦК ВКП(б) в отношении немцев фактически прошло незамеченным как для ЦК КП(б)У, так и целого ряда краевых (областных) комитетов партии – Крымского, Сибирского, Нижне-Волжского, Сред-

²¹ «Для того, чтобы закрепить свое влияние среди бедноты и середняков, кулачество и духовенство привлекает бедноту в советы церковных общин...», – отмечалось в докладе Комиссии ЦК ВКП(б). Здесь же указывалось, что призывы немецкого духовенства в адрес зажиточных крестьян о безвозмездной помощи бедняцким семьям стали нормой, как и распределение финансовой помощи из-за рубежа между нуждающимися колонистами. См.: Докладная записка в Секретариат ЦК ВКП(б) об итогах обследования немецких колоний Украины, Крыма, Северо-Кавказского края и Сибири (апрель 1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 65об]. Ср.: Обзор политического состояния СССР за май 1928 года [Сахаров, Христофоров 2003, 6: 277].

²² Постановление опубликовано частично в: [Бордюгов и др. 1993: 95–96]. Опубликовано полностью: [Бухонова, Митропольская 1997: 26–28]. Необходимо заметить, что текст проектов этого постановления несколько раз перерабатывался и сокращался, и в итоге почти все пункты «социалистических достижений» в области разрешения «немецкого вопроса» в СССР из него были исключены См.: Проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах обследования хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» (5.04.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 717. Л. 57–59]; Проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) (12.04.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 719. Л. 127–128].

²³ Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» (12.04.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 719. Л. 22–23].

²⁴ Пленум ЦК ВКП(б) (апрель 1929), XVI партконференция (апрель 1929), V съезд Советов СССР (май 1929).

не-Волжского, Северо-Кавказского, Казахстанского и Закавказского.²⁵ Что же касается центральных советских органов, то и здесь, даже по прошествии почти полугода, ни ЦИК Союза СССР (включая Совет национальностей), ни Союз Союзов сельхозкооперации особенно не торопились выполнять указания ЦК ВКП(б). Пожалуй, только одно ЦБ немсекций при ЦК ВКП(б) пыталось создать некую видимость работы, хотя для «перелома» ситуации у него не было ни средств, ни кадров, ни авторитета. Так, в июне 1929 года по инициативе ЦБ было проведено очередное Всесоюзное совещание немецких партработников и немсекций, где в который раз строились грандиозные планы по «переустройству» немецкой деревни, советизации школы, необходимости подготовки кадров, а главное – дискутировалась проблема обуздания эмиграционных настроений. Летом 1929 года руководство ЦБ немсекций провело «переговоры» с НКП РСФСР по вопросу увеличения приема немцев на педагогические специальности; организовало 11 курсов для учителей, пропагандистского актива (66 чел.) и секретарей сельских партячеек (45 чел.); создало комиссию по вопросу «удвоения» выпуска немецкоязычных печатных изданий и направило 15 рабочих «от станка» в немецкие селения.²⁶

К началу осени 1929 года, на волне подъема ультралевой политики форсированной индустриализации и насильственного объединения в колхозы миллионов крестьянских хозяйств,²⁷ давление на немецкую деревню не только не уменьшилось, а наоборот усилилось.²⁸ По словам самих ответработников на местах, они несколько «перетянули гайку». Немецкие крестьяне, не желавшие «коллективизироваться», все упорнее стремились покинуть СССР, а местные власти столь же упорно стремились их удержать. Большинство тех, кто подавал заявление о выдаче заграничного паспорта, не удовлетворившись отказом на местах, продолжало обжаловать его в вышестоящих инстанциях, вплоть до ОГПУ и ВЦИК.

Не получив паспортов, наиболее решительная часть немецких крестьян, распродав за бесценок свое имущество, выехала в Москву, чтобы через РУСКАПА, представителей Германского посольства и личное обращение к советскому правительству, попытаться добиться разрешения на выезд из страны.²⁹ В одном из докладов, представленном в Секретариат ЦК ВКП(б) сообщалось:

Особенностью эмиграционного движения от прочих контрреволюционных выступлений заключается в том, что кулак-немец [...] в борьбе против социалистической переделки деревни, в борьбе за сохранение и развитие своего частнособственнического и капиталистического хозяйства не стал прибегать к террору и оружию, а нашел себе отдушину на территории германского и американского капитализма...³⁰

²⁵ Так, к примеру, Оренбургский окружком ВКП(б) получил это постановление лишь в сентябре, через полгода после его издания, причем фактически до начала 1930 года оно оставалось здесь невыполненным. См.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 17]. Ср.: [Судоргина 1995: 198–200].

²⁶ Сводка о выполнении решения ЦК ВКП(б) (12.04.1929), о немецких колониях (8.08.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 719. Л. 129–129об].

²⁷ По данным Виктора Данилова и Николая Ивницкого в 1929 году в СССР было зарегистрировано более 1,3 тыс. мятежей. См.: [Данилов, Ивницкий 1989: 23].

²⁸ Так, если в Одесском округе в октябре 1927 года имелось всего 13 немецких колхозов, объединявших около 1% всех немецких хозяйств, то к июню 1929 года их число достигло 79, с охватом 14,6% всех немецких хозяйств округа. Если в июне 1929 года в Высокопольском районе Херсонского округа было коллективизировано всего 17% немецких хозяйств, то в октябре этого же года – уже 30%. В АССР НП только с 1.10.1928 по 1.06.1929 год было организовано 110 новых колхозов, а к началу октября 1929 года колхозным движением здесь было охвачено уже 12% всех хозяйств республики. Аналогичные тенденции наблюдались в Крымской АССР и Сибири. См.: Доклад о хозяйственном и культурном строительстве в немколониях СССР (20.11.1929) [ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 126об–127].

²⁹ См.: [Белковец 1995: 46; Савин 2010: 312–322].

³⁰ Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 11]. Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам (25.03.1930) [ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 62об].

Летом 1929 года три группы (преимущественно меннонитов из Сибири), общей численностью около 300 чел., пробыв в советской столице около трех месяцев, добились от ВЦИК долгожданного разрешения на выезд в Канаду.³¹ Подобный прецедент получения паспортов в Москве без разрешения на то местных властей, на фоне усиления темпов коллективизации и административного произвола в деревне, послужил сигналом для выезда в столицу сотен немецких крестьян, уже давно «сидевших на чемоданах» и вызвал своего рода цепную реакцию. Последними, получившими официальное разрешение покинуть страну, стали 60 немецких семей, эмигрировавшие из Советского Союза в августе 1929 года.³²

16 сентября 1929 года ВЦИК официально принял постановление о полном прекращении выдачи разрешений на выезд за границу немцам, являющимися советскими гражданами и занимающимися сельским хозяйством. Однако уже было поздно: массовый выезд немецких колонистов в столицу приобрел характер панического бегства.³³ Если к середине сентября численность беженцев, осевших в дачных поселках под Москвой,³⁴ составляла около тысячи чел., то к концу сентября она увеличилась более чем в два раза.³⁵ Численность лиц, готовых к отъезду, включая уже находившихся в пути, доходила по данным ЦБ немсеций при ЦК ВКП(б) до 20 тыс. чел.³⁶ Антисанитарные условия проживания, опасность пожаров в непригодных для зимы помещениях, недостаток продуктов и отсутствие медицинской помощи – все это грозило со временем перерасти в гуманитарную катастрофу. Необходимо признать, что появление в Москве огромного числа немцев, желающих выехать из СССР и буквально осадивших Германское посольство, ставшее для них в условиях практически полного бессилия РУСКАПА последней надеждой, сильно осложнило работу дипломатов. Положение усугублялось еще и тем, что все эти события разворачивались на фоне заметно ухудшившихся советско-германских отношений, вызванных кампанией борьбы против «правой оппозиции» внутри СССР и «социал-фашистов» (социал-демократов) в Германии.³⁷ Необходимо подчеркнуть, что германский посол Герберт фон Дирксен (Dirksen), еще в августе 1929 года, до начала массового эмиграционного движения, попытался через своих сотрудников довести до сведения «немецких колонистов», желающих покинуть СССР, что существующее положение дел не позволяет им помочь.³⁸

³¹ См. [Савин 2006: 246, 249–250]. Эти группы были вывезены через Ленинград в Гамбург на пароходе «Алексей Рыков» в сентябре–октябре 1929 года. См.: [Белковец 1995: 46].

³² Aufzeichnung für die Botschaft (11.10.1929) [Auhagen 1942: 54].

³³ Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 11–11об]. См. также: [Brandes, Savin 2001: 283–284; Белковец 1995: 45–47].

³⁴ Наибольшая концентрация немецких беженцев наблюдалась в подмосковных поселках Перловка и Клязьма. См.: Aufzeichnung für die Botschaft, v. 11.10.1929 [Auhagen 1942: 50].

³⁵ См. более подробно: [Brandes, Savin 2001: 287].

³⁶ Если к концу сентября 1929 года численность беженцев составляла около 2-х тыс. человек, то к концу октября она увеличилась уже более чем в два раза. К концу первой декады ноября число желающих покинуть СССР достигло уже около 13 тыс. человек. Большинство из них прибыло из Сибири (Славгород, Омск, Новосибирск), Казахстана (Павлодар), Крыма и Северного Кавказа (Ставрополь, Армавир). Около 3-х тыс. беженцев уже имели на руках билеты в Канаду, оплаченные иностранными меннонитскими организациями. См.: [Mick 1995: 356–357]; Aufzeichnung für die Botschaft, v. 28.10.1929 [Auhagen 1942: 58].

³⁷ См.: [Белковец 1995: 48; Ruland 1964: 225–230; Dirksen 1949: 99–101].

³⁸ В своем письме от 1 августа 1929 года, посвященном анализу положения немецких колонистов в СССР, посол Германии Дирксен рекомендовал своему правительству отнестись к «вопросу выезда» весьма осторожно. В частности, Дирксен писал: «В любом случае я считаю необходимым отказаться от старой системы обнадеживания колонистов со ссылкой на платонические симпатии, которые Германский Рейх питает в их отношении, и с помощью наших консульских представительств объяснить им, какие в действительности меры Рейх намеревается предпринять в их отношении или, соответственно, дать ясно понять, что при существующем порядке вещей их желание эмигрировать неосуществимо». См.: [Rothfels, et al. (ed.) 1978: 306–308]. Русский перевод письма Дирксена опубликован: [Савин 2006: 247–249]. Ср. также: [Mick 1995: 356]; Aufzeichnung für die Botschaft (18.10.1929) [Auhagen 1942: 57].

7 октября 1929 года, на самом пике эмиграционного движения, на места была разослана особо секретная директива руководства Союза Союзов сельхозкооперации, наконец-то «ознакомившегося» с апрельским постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) и пытавшегося, хотя и с опозданием, поскорее провести его жизнь.³⁹ Наряду с приказом добиться 100% кооперирования «всей массы немецкого батрачества, бедноты и большинства середняков» и призывами всеми силами разоблачать «кулацкую эмиграцию», здесь впервые указывалось на необходимость дифференцированного подхода в процессе коллективизации немецкой деревни:

Обращая Ваше внимание на исключительную политическую важность перечисленных мероприятий, Союз Союзов предлагает во всей работе в немецких колониях не допускать механического перенесения методов работы и оценки, применяющихся в русских районах на немколонию. Здесь же объяснялась и причина подобного послабления, заключавшаяся в специфическом положении советских немцев: ...Малейшие недочеты всегда будут искусно использоваться немецким кулачеством и духовенством [...], имеющим постоянную связь с заграничной буржуазией.⁴⁰

Однако события опережали любые решения: к середине октября 1929 года число находящихся под Москвой беженцев, преимущественно меннонитов, превысило пять тыс. человек.⁴¹ Эмиграционное движение немцев стало захватывать и русскоязычных крестьян, которые все чаще стали подсаживаться в «немецкие поезда». К этому времени руководство МИДа Германии распорядилось направить в Москву для неофициальных переговоров руководителя Русского отдела, консула Карла Динстманна (Dienstmann) [Mick 1995: 358]. «Повышенный интерес» германского правительства к немцам – гражданам СССР был расценен Кремлем, как определенное вмешательство во внутренние дела советского государства. Несмотря на то, что советское руководство было вынуждено признать МИД Германии в качестве партнера, «интересующегося» делами немецкого меньшинства в Советском Союзе, оно регулярно подчеркивало неофициальный характер проводимых переговоров, не забывая регулярно напоминать о том, «кто в доме хозяин».⁴² Так, на попытку Германского посольства организовать «Общество германских граждан» в СССР, то есть разделить «советских» и «иностранных» граждан немецкой национальности для более действенной опеки последних, тут же последовало безапелляционное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 года: «отклонить [...], мотивируя это конституционным моментом».⁴³

Сам факт попытки Германии выступить «посредником» в решении «немецкого вопроса» в советском государстве, четко проявившейся с момента массового наплыва колонистов в Москву (заинтересованность германских дипломатов в их выезде из страны; оказываемая беженцам моральная и материальная помощь; мобилизация зарубежных средств массовой информации) сыграл, по сути, роковую роль в дальнейшей судьбе немецкого населения СССР. Необходимо признать, что сам посол Дирксен, целиком разделяя мнение о необходимости сохранения «германской самобытности в России», все же считал, что мобилизация средств массовой информации в отношении «защиты немецких колоний» принесет больше вреда, чем пользы. Любая активизация попытки протектората Германии над «колонистами», полагал Дирксен, только усилит внимание советского руководства к

³⁹ Знаменательно, что подобная директива появилась ровно за месяц до выхода знаменитой статьи Сталина «Год великого перелома» (7.11.1929), фактически объявившей о конце НЭПа и начале новой эры «Великого перелома», переломавшей жизнь почти 130 млн. крестьян. См.: [Сталин 1949: 130–131].

⁴⁰ Директива заместителя Председателя Союза Союзов сельхозкооперации Лисицына (7.10.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 44–46].

⁴¹ Aufzeichnung für die Botschaft (11.10.1929) [Auhagen 1942: 54].

⁴² 15 октября 1929 года сотрудник НКВД Штейн пообещал Динстманну содействие советской стороны в разрешении «колонистской аферы», выставив условием отсутствие официального обращения немецкой стороны, ибо в данном случае оно будет отклонено советской стороной «по формальным соображениям». См. [Савин 2010: 314].

⁴³ Протокол № 89 (особый № 87) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (18.07.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 97].

«немецкому вопросу» и ускорит проведение коллективизации в немецких селениях. По его словам, было бы наивно полагать, что советское правительство, в угоду развития отношений с Германией, «из-за нескольких сотен тысяч немецких колонистов приостановит свою программу (коллективизацию сельского хозяйства. – В.Д.), затрагивающую около 125 млн. человек сельского населения...».⁴⁴ Остается добавить, что прогнозы Дирксена были пророческими и полностью подтвердились уже через несколько месяцев.

Проблема «немецких эмигрантов» довольно быстро вышла за рамки «компетенции» руководителей отделов и подотделов ЦК ВКП(б), и уже к концу сентября 1929 года перешла в сферу особо доверенных соратников Сталина, членов Политбюро ЦК ВКП(б) Вячеслава Молотова и Лазаря Кагановича, непосредственно отвечавших за ее решение. Так, на одной из докладных записок, поступившей в Кремль в середине октября 1929 года, в которой сообщалось о посещении «подмосковных» немцев представителями Германского посольства и зарубежными журналистами,⁴⁵ а также подчеркивалось, что движение немцев за выезд из СССР начинает принимать массовый характер, зампред ОГПУ Ягода приписал:

Тов. Молотов: есть сведения, что около трехсот человек хотят демонстративно идти к т. Калинину. Предлагаю выслать обратно на места.

Реакции Молотова – члена Политбюро, секретаря ЦК ВКП(б) и одновременно председателя Совнаркома СССР, долго ждать не пришлось. Последний, ознакомившись с докладом, тут же поставил свою визу:

*Кажется, дело серьезное, надо обсудить. В. Молотов.*⁴⁶

Уже 16 октября 1929 года вопрос «Об эмиграционном движении среди немецких крестьян из СССР» был вынесен на заседание Секретариата ЦК ВКП(б),⁴⁷ констатировавшего, что парторганизации Сибири и Средне-Волжской области не только не проявили должного внимания к эмиграционному движению среди немцев, но и полностью проигнорировали постановления ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1929 года «О хозяйственном и культурном строительстве в немецких колониях». Острой критике подверглось и партийное руководство советской столицы, «не проявившее должной чуткости к приехавшим в Москву немецким колонистам», что дало повод использовать их «враждебными элементами» (то есть, представителями Германского посольства). На заседании Секретариата ЦК ВКП(б) было подчеркнуто, что эмиграционное движение охватило преимущественно «бедноту и середнячество», что однозначно ставило под сомнение всю десятилетнюю политику «советизации» немецкой деревни.⁴⁸ В качестве первоочередных мер по ликвидации «эмиграционных настроений» было решено немедленно отправить всех прибывших в Москву беженцев назад, на места их постоянного жительства. Кроме этого, было предложено провести обследование силами работников ЦК ВКП(б) наиболее охваченных «американской лихорадкой»

⁴⁴ Цит. по: [Mick 1995: 355–356].

⁴⁵ 11 октября атташе Аухаген, в сопровождении двух германских и трех американских корреспондентов, посетил поселения «беженцев-колонистов». Идя навстречу пожеланиям посольства Германии, журналисты пообещали не опубликовывать сразу материалы о тяготах «подмосковных беженцев». Поэтому первое сообщение о них появилось в германской прессе только через две недели. См.: [Das deutsche Elend 1929; Die Sibiriendeutschen 1929; Deutsche Sibirienbauern 1929].

⁴⁶ Докладная записка на имя зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, не ранее 14.10.1929 года [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 43]. Опубликована: [Бордюгов и др. 1993: 96; Савин 2006: 263]. См. также: [Филиппова 2002: 91].

⁴⁷ В обсуждении вопроса принимали участие: А.И. Криницкий (заведующий АПО ЦК ВКП(б)), К.О. Киркиж (член ЦК ВКП(б)), И.Ф. Гебхарт (секретарь ЦБ немсекций), И.Л. Булат (заместитель заведующего орграспредотдела ЦК ВКП(б)), М.А. Трилиссер (зам. начальника ОГПУ) и М.М. Литвинов (зам. наркома иностранных дел).

⁴⁸ Так, к примеру, в эмиграционном движении в Славгородском округе участвовало 14,6% – бедняков и 56,4% – середняков. Из Оренбургского округа выехало в Москву 20% – бедняков и 35,2% – середняков и т.д. См.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 110б]. Ср.: Aufzeichnung für die Botschaft (28.10.1929) [Auhagen 1942: 59].

Славгородского и Оренбургского округов, организовать охрану оставленного крестьянами имущества,⁴⁹ произвести мобилизацию не менее 50 «немцев от станка» для агитпропработы в немецких селениях, а также направить 15 студентов КУНМЗ для изменения «настроения» подмосковных беженцев.⁵⁰ В заключение, специальным протоколом был оформлен еще один, особо секретный пункт постановления Секретариата ЦК ВКП(б):

Признавая, что причиной усиления эмиграционных настроений среди немецких колонистов является [...] систематическая антисоветская работа враждебных элементов, поручить ОГПУ после отправки приехавших немцев к месту их жительства, принять все необходимые меры по отношению к элементам, ведущим среди немцев эту работу...⁵¹

Состоявшееся через два дня, 18 октября 1929 года, заседание Политбюро ЦК ВКП(б), в целом одоблив постановление Секретариата, все же пришло к мнению «не возражать против выезда меннонитов, скопившихся возле Москвы».⁵² 19 октября 1929 года заместитель заведующего 2-м Западным отделом НКВД Николай Райвид проинформировал полпреда СССР в Германии Николая Крестинского об эмиграции меннонитов, так объяснив решение Политбюро:

Вчера инстанция постановила выпустить их всех за границу, считая, что нам нет нужды задерживать желающие эмигрировать из СССР кулацкие элементы [Савин 2010: 315].

Подобное решение объяснялось не столько международной оглаской «американской лихорадки», получавшей все больший резонанс в средствах западной печати, сколько активной позицией замнаркома иностранных дел Максима Литвинова, считавшего неразумным ухудшать советско-германские отношения из-за «кулацкой эмиграции». Кремлевское руководство также не было заинтересовано в затягивании разрешения данной проблемы, опасаясь расширения «германского протектората» над советскими немцами. Особенно тщательно отслеживались все контакты сотрудников Германского посольства в Москве с немцами-беженцами, а также попытки Германского консульства в Киеве наладить связи с немецкими колониями на Украине.⁵³

Девятнадцатого октября советское правительство официально дало «зеленый свет» на отправку беженцев из СССР, о чем было тут же сообщено в Германское посольство. Условие было одно – немедленный выезд всех скопившихся под Москвой немцев, без участия посредников из других стран. Советское руководство было настолько заинтересовано в скорейшем отъезде немецких беженцев, что вместо выдачи индивидуальных паспортов, разрешило использовать «коллективные паспорта», то есть списки, составленные сотрудниками Германского посольства. 26 октября 1929 года Борис Штейн писал Крестинскому:

Как Вам уже сообщалось, меннонитов мы выпускаем. Сегодня мы обратились в Гермпосольство с просьбой о выдаче групповой визы [Савин 2010: 316].⁵⁴

Сделанное Кремлем исключение распространялось только на зарегистрированных немецких беженцев, все потенциальные желающие, включая находившихся в пути, от «акции пере-

⁴⁹ Все утвержденные ранее сделки должны были быть немедленно аннулированы «как кабальные».

⁵⁰ Проект постановления Секретариата ЦК ВКП(б) (16.10.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 42–42об].

⁵¹ Выписка из протокола №160 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) (16.10.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 786. Л. 40–41]. Постановление опубликовано: [Бордюгов и др. 1993: 96–97; Савин 2006: 263–264]. См. также: Протокол заседания комиссии Московского обкома ВКП(б) по вопросу о немцах-эмигрантах (17.10.1929) [Савин 2006: 265–266].

⁵² Протокол №103 (особый №101) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (18.10.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 182; Савин 2006: 264].

⁵³ См. более подробно: [Mick 1995: 361]. Ср.: Aufzeichnung vom 14. November 1929 für das Außenkommissariat der UdSSR [Auhagen 1942: 74–76].

⁵⁴ 2 ноября 1929 года Райвид пояснял Крестинскому: «Все эмигранты не получают заграничных паспортов, а лишь удостоверения на право выезда из СССР. С момента их выезда они не будут считаться советскими гражданами. На этот счет будет издан или специальный правительственный акт, или будет постановление особого Совещания при Коллегии ОГПУ. В связи с этим есть все основания отказываться брать на себя защиту их интересов и выдавать пособия в случае обращения за таковыми». См.: [Савин 2006: 273].

селения» были отсечены. Все «эмигранты» были вскоре поделены на 11 групп, а через неделю (27.10.) первые две группы (673 чел.) покинули Советский Союз [Brandes, Savin 2001: 286].

Временное «потепление» в Москве ни в коем случае не означало «изменения климата» в местах компактного проживания немцев в СССР. 26 октября 1929 года на места была отправлена директива ЦК ВКП(б), в которой констатировалось:

ЦК КП(б)У, Крымбком, Сибирский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Северо-Кавказский, Казахстанский и Закавказский краевые комитеты партии, особенно Сибирский и Средне-Волжский, [...] прозевали организованное враждебными элементами антисоветское движение, принявшее форму эмиграционного движения.

В директиве указывалось на необходимость принятия немедленных мер по усилению советизации немецких селений, переброски в них партийных и советских кадров, а главное – полной изоляции всех организаторов и «вдохновителей» эмиграционного движения. Были поставлены и жесткие сроки его исполнения – до 1 декабря 1929 года.⁵⁵ Необходимо заметить, что «превентивные меры» по ликвидации эмиграционного движения не заставили себя долго ждать: по немецким селениям прокатилась волна арестов наиболее активных «эмигрантов» и проповедников, была приостановлена продажа билетов на вокзалах, начаты проверки в поездах, выставлена ночная охрана деревень, органы ГПУ стали отчитываться каждые три дня о положении на местах.⁵⁶ Атташе Аухаген 28 октября по этому поводу писал:

Данные мероприятия [советского. – В.Д.] правительства, по моему мнению, необходимы, в противном случае, нужно ожидать нового массового эмиграционного движения, которое может привести к катастрофе. Хотя, несмотря и на эти меры, можно все же с уверенностью ожидать новой волны эмигрантов...⁵⁷

Как показали дальнейшие события, прогнозы посольского работника оказались верны. Несмотря на все принятые меры на местах, поток желающих выехать из СССР не только не ослаб, а наоборот усилился. К середине ноября число беженцев, скопившихся под Москвой, достигло 12,5 тыс. чел., большая часть из которых (3/4) представляли меннониты.⁵⁸

Положение резко обострилось в конце октября, после того, как канадские власти заявили о невозможности приема беженцев до весны 1930 года. На это заявление сразу же отреагировало германское правительство, дав указание прекратить оформление загранпаспортов российским немцам, посчитав, что в этом случае все финансовое бремя по их содержанию ляжет на Германию.⁵⁹ Не осталось в долгу и Москва, где власти, начиная со 2 ноября, реши-

⁵⁵ Протокол заседания Секретариата ЦК ВКП(б) №162, пункт 82, приложение №13 (26.10.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 791. Л. 107]. Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам (25.03.1930) [ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 62–62об].

⁵⁶ Так, к примеру, в Оренбургском округе тут же было арестовано 25 чел. «активных агитаторов за эмиграцию», в Славгородском округе – 29 чел. См.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 11об]. Аналогичные меры были приняты и в других регионах СССР. См. к примеру: Постановление Бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) «О состоянии работы среди немцев» (6.11.1929) [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 59. Л. 16]; Докладная записка Секретаря ЦК КП(б)У П.П. Любченко в Секретариат ЦК ВКП(б) (16.11.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 791. Л. 111].

⁵⁷ Aufzeichnung für die Botschaft (28.10.1929) [Auhagen 1942: 58].

⁵⁸ См.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 11]. Ср.: Aufzeichnung für die Botschaft (16.11.1929) [Auhagen 1942: 76–78].

⁵⁹ Слабый коалиционный кабинет Веймарской республики, состоящий в основном из представителей левых партий, испытывая огромные трудности, вызванные экономическим кризисом и наличием сотен тысяч собственных безработных, не был готов инвестировать около трех млн. рейхсмарок, которые были необходимы по подсчетам правительства для временного содержания и последующего транзита «московских беженцев» за океан. См.: [Mick 1995: 362–363].

ли больше не выдавать разрешения на выезд из страны, и все более склонялись в пользу силового решения проблемы беженцев.⁶⁰

Внешнеполитическое ведомство Германии развернуло интенсивную работу по разрешению сложившегося кризиса: в Оттаве прошли переговоры о срочном принятии эмигрантов, в Москве – об отсрочке депортации российских немцев на места их бывшего пребывания. Руководитель Второго (Западного отдела) НКВД Борис Штейн, в доверительной беседе с советником посольства Твардовским (Twardowski), замещавшим на время отпуска посла Дирксена, отметив полную неожиданность для руководства страны подобного демарша «колонистов»,⁶¹ подчеркнул готовность НКВД содействовать их выезду, несмотря на сопротивление представителей «внутренних ведомств». ⁶² Указав Твардовскому на нежелательность афиширования данной акции в средствах массовой информации, Штейн предупредил его, что, если Запад немедленно не возобновит прием «колонистов», их вывезут назад, на восток.⁶³

Однако, вопреки потугам руководства СССР и Германии, не желавших «из-за каких-то кулаков» ухудшения дипломатических отношений между странами, *status quo* был нарушен. Средства массовой информации Германии развернули активную кампанию, как против собственного правительства страны, обвиненного журналистами в нерешительности, так и против руководства СССР, вызвавшего своими реформами катастрофу в «немецких колониях». Титульные страницы ежедневных газет запестрели жирными заголовками о бедственном положении «подмосковных беженцев» и «искоренении германской самобытности в Советском Союзе». Нарком иностранных дел Георгий Чичерин, в свою очередь, предостерег германское правительство об использовании «колонистской эмиграции» в пропагандистских целях, и о последствиях подобной политики для самих «немецких беженцев». ⁶⁴

Одним из камней преткновения в вопросе помощи «колонистам из СССР» явилась проблема финансирования. Причем особую тревогу в Берлине вызывали не столько расходы на вывоз и содержание нескольких тысяч «советских беженцев», сколько последствия подобной акции, а именно – нарастание эмиграционных настроений среди немецких крестьян. По данным Аухагена, около 800 тыс. немцев были готовы покинуть «советский рай». ⁶⁵ Поэтому, не вызывает особого удивления острая полемика по данному вопросу, развернувшаяся в правительственных кругах Германии. Старший правительственный советник Планк (Planck), к примеру, предложил не только отклонить ходатайство МИД, касавшегося поддержки выезда «московских немцев» из СССР, а наоборот – выделить деньги на отправку беженцев назад, «в Сибирь». Против оказания помощи выступил и министр финансов, представитель социал-демократической партии Хильфердинг (Hilferding), посчитав, что последствия подобной акции, как финансовые, так и политические, могут быть непредсказуемыми. Свою позицию он объяснял тем, что число «подмосковных беженцев» за считанные дни достигло 15 тыс. чел., а около 80 тыс. «немцев-колонистов» уже сидят на чемоданах. Большие сомнения в пользе данной акции имелись и у премьер-министра прусского правительства, социал-демократа *Отто Брауна*. ⁶⁶

⁶⁰ См.: [Quiring 1935: 263–277].

⁶¹ Ср.: Протокол № 14 заседания Комиссии Президиума ЦИК СССР по советскому строительству и оргвопросам (25.03.1930) [ГАРФ. Ф. Р–3316. Оп. 23. Д. 1339. Л. 62–62об].

⁶² В своей телеграмме в МИД от 8 ноября 1929 года фон Твардовски писал, что Чичерину «со ссылкой на Германию удавалось до сего времени, и даже на срок после 7 ноября, оттянуть транспортировку колонистов к местам проживания. Но теперь все возможности исчерпаны. Сразу же после окончания праздников лагерь беженцев должен быть ликвидирован, если только из Германии не поступит позитивный ответ в отношении выдачи виз эмигрантам». См.: [Савин 2010: 316].

⁶³ См.: [Mick 1995: 361]. См. также: [Quiring 1990: 100–101].

⁶⁴ См.: [Mick 1995: 361]. Ср.: Chiffriertes Telegramm an das Auswärtige Amt vom 18. November 1929 [Auhagen 1942: 82].

⁶⁵ Aufzeichnung für die Botschaft (18.10.1929) [Auhagen 1942: 57]. Причем, Аухаген не исключал вообще поголовной эмиграции немцев из СССР. См.: Schreiben an den Vorsitzenden der Ostpreußischen Landgesellschaft betreffend Ansiedlung von Flüchtlingen in Ostpreußen (25.10.1929) [Auhagen 1942: 61–62].

⁶⁶ См.: [Mick 1995: 362]. Ср.: [Auhagen 1942: 61; Day 1929; Cruel Soviet Policies 1929: 1].

Необходимо заметить, что кремлевское руководство не осталось пассивным наблюдателем нарастающего потока немецких крестьян. С конца октября представители органов ОГПУ начали проводить регулярные облавы на предмет проверки регистрационных документов и аресты,⁶⁷ заблокировав все подходы к Германскому посольству в Москве. Свои опасения по вопросу нарастания эмиграционных настроений среди немцев высказал и секретарь ЦБ немсекций Гебхарт (Gebhardt). В своей докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу от 5 ноября 1929 года, отметив направление в немецкие села дополнительных «5 партийцев-немцев для ведения агитационной работы», создание «ударных бригад» в отдельных окружках и крайках СССР, а также развернувшуюся «разъяснительную работу об антисоветской сущности эмиграционного движения» в немецкоязычных изданиях,⁶⁸ Гебхарт открыто высказал свои опасения по вопросу обуздания сложившейся ситуации:

Эмиграционное движение среди немецких крестьян охватывает все новые районы, особенно после того, как на местах стало известно, что немецким крестьянам, которые находятся под Москвой, разрешен выезд из СССР в Канаду.

Основные меры, предложенные секретарем ЦБ немсекций, сводились к следующему:

- 1) организовать Правительственную комиссию с выездом ее членов на места и ознакомления с положением дел в колониях;
- 2) выслать часть немецких крестьян обратно «для стабилизации» ситуации в колониях;
- 3) не допускать приезда в СССР международных комиссий канадских врачей с целью отбора эмигрантов, «т.к. как она несомненно будет отбирать только здоровых, а больных и нетрудоспособных оставлять в СССР».⁶⁹

В этот же день, 5 ноября 1929 года, на имя секретаря ЦК ВКП(б) Молотова поступила докладная записка от зам. начальника ОГПУ Ягоды и начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Яна Ольского о проводимых «мероприятиях» в местах компактного проживания немецкого населения:

По всем подверженным эмиграционному движению районам [...] проведены аресты организаторов и руководителей движения – кулаков, попов и лиц, связанных с РУСКАПа и прочими заграничными организациями, занимающихся вербовкой к эмиграции немцев-колонистов из СССР.

В представленном докладе делался акцент на то, что «эмиграционное движение, вопреки всем принятым мерам, расширяется». Руководители ОГПУ отмечали:

Известие о разрешении выезда за границу колонистам, накопившимся под Москвой, используется на местах как доказательство успешности и целесообразности решительного, организованного действия и дает новый стимул к эмиграции.

Приводя примеры по активизации движения в Украине, АССР НП, Средне-Волжском крае и Крымской АССР, Ягода и Ольский подчеркивали:

Движение организовано хорошо, руководителями преследуется цель путем эмиграции устроить эффективную политическую демонстрацию против Сов[етской] власти и нанести ущерб престижу ее...⁷⁰

⁶⁷ 15 ноября 1929 года органы ОГПУ начали массовые аресты лидеров эмиграционного движения и приступили к насильственному возвращению беженцев на места их прежнего проживания. По данным секретаря немецкой секции при АПО ЦК ВКП(б) И. Гебхарта, в ночь с 15 на 16 ноября было арестовано около 500 семей эмигрантов, а среди оставшихся на свободе было проведено собрание, в результате которого около 100 семей изъявили желание «добровольно» вернуться в Сибирь. См. [Савин 2010: 317–318]. По данным Германского посольства, к 16 ноября 1929 года было арестовано в общей сложности около тысячи чел. См.: Aufzeichnung für die Botschaft (23.11.1929) [Auhagen 1942: 79]. Ср.: [Филиппова 2002: 91].

⁶⁸ Аналогичная работа проводилась и в Германии. См. к примеру: [Den Kulaken 1929; Die Not der Deutschen 1929].

⁶⁹ Докладная записка секретаря ЦБ немсекций Гебхарта секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, зам. зав. АППО ЦК ВКП(б) С.И. Гусеву и члену ЦК ВКП(б) К.О. Киркижу (5.11.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 791. Л. 108–108 об.]. Опубликовано: [Бордюгов и др. 1993: 98; Савин 2006: 278–279].

⁷⁰ Докладная записка зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову (5.11.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 791. Л. 109–110]. Опубликовано: [Бордюгов и др. 1993: 97; Савин 2006: 277–278]. Ср.: Доклад

Необходимо указать, что с конца октября 1929 года в сообщениях, поступавших в Кремль, все чаще муссировался тезис о том, что основным организатором эмиграционного движения выступает не «кулацко-поповский блок», а «заграничные агенты», занимающиеся «антисоветской агитацией» среди немцев-колонистов.⁷¹

Несмотря на то, что 12 ноября 1929 года стало известно о поддержке рейхспрезидентом Паулем фон Гинденбургом (Paul von Hindenburg) проведения акции по сбору средств на содержание эмигрантов, и 14 ноября 1929 года на встрече лидеров политических партий Германии было принято решение о выделении правительством 5–6 млн. марок, а в ближайшее время ожидался последний шаг немецкой стороны в решении вопроса – подтверждение предоставления средств бюджетным комитетом Рейхстага, 15 ноября 1929 года органы ОГПУ начали аресты лидеров эмиграционного движения и приступили к организации насильственного возвращения беженцев на места их прежнего проживания. В ночь с 15 на 16 ноября около 500 глав немецких семейств, проживавших в самых отдаленных подмосковных поселках, были арестованы. Часть из них была вывезена в Москву и подвергнута допросу на предмет выявления «агитаторов» и наличия связей с Германскими дипломатическими представительствами. В процессе дознания «эмигрантам» было обещано прощение за участие «в контрреволюционной акции», а в случае «добровольного» возвращения на места их постоянного проживания – пятисотрублевая ссуда для выкупа проданного имущества, продовольственная помощь и семена.

Насильственное давление органов ГПУ на «подмосковных беженцев» только усилило интерес германской прессы к данной проблеме. 13 ноября целый ряд газет (Франкфуртская газета, Берлинская ежедневная газета, газета «Вперед» и другие) вышли с призывами благотворительных организаций о помощи немцам в СССР, под весьма красноречивыми заголовками: «Братья в нужде!». Рейхспрезидент Германии Пауль фон Гинденбург, как почетный президент Красного креста, обратился к гражданам с просьбой о пожертвованиях в пользу беженцев.⁷² Подлила масло в огонь и статья в защиту «колонистов» самого атташе Германского посольства в Москве Аухагена, вышедшая в ноябрьском выпуске журнала «Восточная Европа». В ней он не только наглядно продемонстрировал масштаб бедственного положения немецких крестьян в Советском Союзе, но и назвал причину их «массового бегства» в Москву – политику насильственной коллективизации. С целью усиления общественного резонанса, Аухаген разослал копию своей статьи во все центральные газеты, которые тут же стали использовать его материал для своих публикаций.⁷³ К середине ноября, благодаря этой акции, практически все ежедневные газеты стали посвящать проблеме «колонистов» целые страницы, не только призывая германское правительство к немедленной помощи «своим братьям», но и резко критикуя политику советского руководства.⁷⁴ Антисоветский тон газетных статей, по мнению советника Германского посольства Твардовского, мог привести только к одному исходу – немедленной депортации «подмосковных немцев» на места их постоянного проживания. В своих сообщениях Твардовский умолял работников МИД усилить контроль за содержанием газетных материалов, не публиковать репортажи бывших колонистов о жизни в СССР, а главное – ускорить приемку беженцев в Германию [Mick 1995: 364–365].

об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (2.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 10об.–11].

⁷¹ Хотелось бы заметить, что подобную точку зрения отстаивал российский исследователь А.Н. Кичихин в 1990 году, объясняя массовый отъезд немцев в 1929 году «происками германской разведки» и классифицируя его как одну из «крупнейших подрывных акций» Германии против СССР. См.: [Кичихин 1990: 33–35].

⁷² См.: [Mick 1995: 363]. См.: [Das Rote Kreuz 1930: 119–128].

⁷³ См. более подробно: Bericht über die verzweifelte Lage der deutschen Kolonisten und die Gefahren der herrschenden Agrarpolitik, v. 9.11.1929 [Auhagen 1942: 62–73]. Ср.: [Auhagen 1930: 271–273].

⁷⁴ См. к примеру: [Rosenberg 1929].

18 ноября 1929 года германское правительство все же уступило давлению прессы и общественных организаций, объявив о готовности немедленно принять четыре тысячи человек. Вопрос о приеме остальных беженцев должен был решиться на заседании Бюджетной комиссии рейхстага.⁷⁵

Однако было уже поздно. Начиная с вечера 17 ноября, органы ГПУ начали организованный сбор «немцев-колонистов» для отправки их назад, в свои селения.⁷⁶ Советское руководство, не считаясь с напряженными дипломатическими отношениями, подкрепленное нерешительностью германского правительства и развернувшейся массовой антисоветской кампанией в прессе, решило больше не затягивать этот вопрос. Возвращение беженцев назад, на места их постоянного проживания, служило задаче отбить охоту всем желающим покинуть страну, а главное – пресечь все слухи о возможностях эмиграции из СССР. 18 ноября с подмосковных станций отошли восемь первых железнодорожных составов с «эмигрантами»: четыре – в «восточном» и четыре – в «южном направлении».⁷⁷ Немаловажно заметить, что операции насильственного выселения предшествовала докладная записка Гебхарта от 17 ноября 1929 года в Секретариат ЦК ВКП(б), в которой он охарактеризовал положение около 15 тыс. скопившихся под Москвой немецких крестьян как «катастрофическое» и требующее «немедленных мер по разгрузке» [Бордюгов и др. 1993: 99]. Восемнадцатого ноября, в день высылки «подмосковных беженцев», были предприняты санкции и в отношении РУСКАПА, чья вербовочная переписка с немецкими крестьянами была квалифицирована советским руководством как «правый уклон», а также всех остальных пароходных компаний, обслуживавших эмигрантов из СССР. Отныне им запрещалось субсидированное обеспечение переселенцев-немцев проездными документами, а органы ГПУ приступили к роспуску и ликвидации «всех организаций и обществ» на местах, способствующих эмиграционному движению [Белковец 1995: 52–53].⁷⁸

20 ноября представитель НКВД Штейн официально сообщил руководству Германского посольства в Москве о невозможности обсуждать какие-либо технические подробности эвакуации, так как:

*соответствующие административные власти, не имея возможности ожидать неопределенное время разрешения Германским правительством вопроса о визах, и, принимая во внимание, что пребывание беженцев под Москвой служит стимулом для дальнейшего увеличения их числа, вынуждены были поставить перед правительством вопрос о пересмотре ранее принятого решения и о коренном разрешении всего вопроса в целом... правительственное решение ожидается не ранее 25 числа и я в настоящий момент не могу сказать ничего позитивного.*⁷⁹

Однако полемика по вопросу немецкой эмиграции из СССР в Германии не только не прекратилась, а наоборот, получила дополнительный импульс. Газетные репортажи сместили свой аспект с «немцев-колонистов» на советскую систему, вызвавшую их бегство. Почти вся некоммунистическая пресса оценила действия беженцев как яркий симптом болезни всего советского общества, более того – его возможного конца.⁸⁰ Рейхспрезидент Германии

⁷⁵ Заседание было назначено на 25 ноября 1929 года.

⁷⁶ См.: [Brandes, Savin 2001: 287]. Ср.: Aufzeichnung für die Botschaft, 23.11.1929 [Auhagen 1942: 79].

⁷⁷ Уже к концу ноября 1929 года самые населенные немецкими беженцами поселки Подмосковья были «очищены» от незадачливых переселенцев. См.: Aufzeichnung für die Botschaft (23.11.1929 und 28.11.1929) [Auhagen 1942: 79–82].

⁷⁸ См. также: Рабочая программа для выезжающих работников ЦБ немсеций при ЦК ВЛКСМ, [ноябрь] 1929 года [РГАСПИ. Ф. М–1. Оп. 23. Д. 914. Л. 51–51об.].

⁷⁹ Цит. по: [Савин 2006: 315]. См. также: [Mick 1995: 366].

⁸⁰ Что касается советских журналистов, то они довольно поздно отреагировали на «колониистский вопрос». Только в 20-х числах ноября 1929 года в центральных газетах появились первые статьи об антисоветской кампании, развернутой западными средствами массовой информации, в связи с «кулацкой эмиграцией». Журналисты обвиняли германское правительство в клевете и вмешательстве во внутренние дела СССР. 28 ноября 1929 года в «Правде» появилась статья об аташе Аухагене, который был назван «кулацким идеологом с дипломатическим паспортом», подстрекающим «немецких колониистов» против аграрной программы советского правительства. В начале 1930 года

Гинденбург выделил общественной организации «Братья в нужде» из своего депозитного фонда 200.000 рейхсмарок, призвав организации и частные лица помочь в сборе средств для помощи «колонистам» в СССР. Германская почта и частные банки развернули организованный прием пожертвований, а руководство железной дороги осуществляло бесплатную транспортировку собранных вещей. Несмотря на все интенсивные попытки Германского МИД приостановить высылку беженцев, органы ГПУ только за одну неделю, успели вывезти из Москвы около восьми тысяч немецких колонистов.⁸¹

21 ноября министр иностранных дел Юлиус Куртиус (Julius Curtius) поручил советнику посольства Твардовскому официально заявить Литвинову:

что отказ советского правительства на выезд из страны [немецких беженцев], несмотря на решение Кабинета министров, рассматривается германской общественностью, как недружественный акт по отношению к германскому правительству.⁸²

Аналогичное заявление прозвучало и в беседе Куртиуса с полномочным представителем СССР в Германии Крестинским.⁸³ Решительные действия немецкой общественности и твердая позиция германского правительства вынудили кремлевское руководство пойти на уступки. Политические отношения между двумя странами обострились настолько, что руководство НКВД смогло переломить сопротивление ОГПУ.⁸⁴ 25 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б),⁸⁵ на котором было принято компромиссное решение: разрешить выехать из страны всем беженцам, которых еще не успели вывезти из Подмосковья.⁸⁶ Посол Дирксен, в свою очередь, обратился к своему руководству с просьбой приостановить нападки германской прессы на советское правительство. Однако затишье продлилось недолго. Прибывшие в Германию беженцы – 5671 чел. – из первых рук поведали журналистам о всех своих тяготах и невзгодах в стране Советов, что тут же выплеснулось на страницы многочисленных германских газет и журналов [Mick 1995: 368].

Заключение

Таким образом, около шести тысяч представителей немецкой национальности смогли покинуть «страну рабочих и крестьян», однако большая часть эмигрантов, около 8 тысяч человек, была насильственно отправлена назад. «Возвращенцы», а также все те, кто не смог или не успел приехать в Москву, были взяты «на контроль» органами ОГПУ. «Агитаторы» и активисты, «засветившиеся» в период «американской лихорадки», были арестованы. Повышенное внимание к проблеме немецкой эмиграции со стороны Политбюро ЦК ВКП(б) объяснялось не столько «переносом» проблемы с периферии в столицу, сколько специфической особенностью «эмигрантов», представлявших нацменьшинства Запада. Причем контингент, организованно выступивший против политики советской власти, совершенно не вписывался в привычную схему «классовых врагов», т.к. большинство из немецких крестьян, желавших покинуть СССР, являлись ее социальной «опорой» – середняками и бедня-

Аухаген был освобожден от должности атташе Германского посольства и покинул СССР. См.: [Mick 1995: 368–369]. Ср.: Aufzeichnung vom 14. November 1929 für das Außenkommissariat der UdSSR [Auhagen 1942: 74–76].

⁸¹ [Mick 1995: 366–367].

⁸² Цит. по: [Mick 1995: 367].

⁸³ См.: [Mick 1995: 367–368].

⁸⁴ По мнению Н.Н. Крестинского, «колониистская афера» была на руку социал-демократической партии, развернувшей антисоветскую пропаганду в Германии, чтобы дискредитировать коммунистов на коммунальных выборах [Mick 1995: 368; Белковец 1995: 63–64].

⁸⁵ Протокол № 107 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (25.11.1929) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 4]. Документ опубликован: [Савин 2006: 321–322].

⁸⁶ Из 5671 граждан немецкой национальности, покинувших СССР, 3885 составляли меннониты, 1260 – лютеране, 468 – католики, 51 – баптисты. Семь человек являлись адвентистами. См.: [Brandes, Savin 2001: 287]; Bericht vor dem Hauptaussschuß des VDA in Salzburg am 7. Juni 1930 [Auhagen 1942: 137–138].

ками.⁸⁷ «Национальное единство» однозначно превалировало над «классовым самосознанием», что автоматически переводило охваченных «американской лихорадкой» немецких крестьян из статуса «неопределившихся» в статус «классовых врагов». Массовое движение немцев за выезд из СССР на фоне кардинальных реформ в деревне было расценено Кремлем как прямая поддержка «правых уклонистов», что придало ему «выраженный антисоветский характер».⁸⁸ Принадлежность беженцев и их многочисленных сторонников на местах к западной национальности дало возможность органам ГПУ искать «организаторов» эмиграционного движения за пределами советского государства. К подобной ненасильственной форме сопротивления в виде массовой эмиграции из СССР оказалась неготовой ни местная, ни центральная власть. Массовость эмиграционного движения, а также обращение немцев за помощью к зарубежному государству, в данном случае Германии, однозначно определили в глазах большевистского руководства низкую степень лояльности к советской власти как самих беженцев, так и их многочисленных сторонников на местах.

Библиография

- Auhagen O.* Die Ursachen der Massenflucht der deutschen Bauern aus Sowjetrußland // Deutsche Post aus dem Osten. 1930. № 1 (5). S. 271–273.
- Auhagen O.* Die Schicksalswende des russlanddeutschen Bauerntums in den Jahren 1927–1930. Leipzig: S.Hirzel, 1942.
- Brandes D., Savin A.* Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext Verlag, 2001.
- Cruel Soviet Policies Have Utterly Ruined Russia's Best Farmers // Mennonite weekly Review. 1929. November 13.
- Das deutsche Elend vor den Toren Moskaus // Hamburger Fremdenblatt. 1929. October 25.
- Das Rote Kreuz bei Notständen: Deutsche-Russen-Hilfe 1929/30 // Blatt des Deutschen Roten Kreuzes. 1930. № 9 (3). S. 119–128.
- Day D.* 90.000 Russian Mennonites May Migrate // Mennonite weekly Review. 1929. November 13.
- Den Kulaken wird der Boden zu heiß // Rote Fahne (Berlin). 1929. November 9.
- Deutsche Sibiriensbauern nach Kanada // Vossische Zeitung. 1929. Oktober 29.
- Die Not der Deutschen in der UdSSR ein entlarvter Wahlschwindel // Rote Fahne (Berlin). 1929. November 14.
- Die Sibiriendeutschen vor Moskau. Wird die Ausreiseerlaubnis erteilt? // Kölnische Zeitung. 1929. Oktober 26.
- Dirksen von G.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Aussenpolitik (1919–1939). Stuttgart: W.Kohlhammer Verlag, 1949.
- Dönninghaus V.* Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich, Essen: Klartext, 2002.
- Ehrt A.* Das Mennonitentum in Rußland: von seiner Einwanerung bis zur Gegenwart. Langensalza; Berlin; Leipzig: Verlag von Julius Beltz, 1931.
- Gebhardt J.* Zur Auswanderungsbewegung unter den Mennoniten // Der Herold. 1924. № 37. S. 5–6.
- Mick C.* Sowjetische Propaganda. Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928–1932. Stuttgart: Franz Steiner, 1995.
- Quiring W.* Die Tragödie eines Auswanderungsversuchs // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland: 1985–1989. Stuttgart, 1990. 100–101.
- Quiring W.* Die Urenkel kehren heim. Die Massenflucht der rußlanddeutschen Bauern 1929 // Deutschtum im Ausland. 1935. № 5 (22), S. 263–277.

⁸⁷ См. к примеру: Данные об участии в эмиграции различных социальных групп немецкого населения Славгородского и Оренбургского округов (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 20].

⁸⁸ Ср.: Доклад об итогах обследования эмиграционного движения немцев в Славгородском и Оренбургском округах (02.02.1930) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 822. Л. 126б].

- Rosenberg A. Das deutsche Bauernsterben in Sowjetrußland // *Völkischer Beobachter*. 1929. November 29.
- Rothfels H., et al. (ed.). Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Serie B: 1925–1933. Band XII. 1. Juni bis 2. September 1929. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1978.
- Ruland B. Deutsche Botschaft Moskau. 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West. Bayret: Deutscher Bücherbund, 1964.
- Toews J.B. Lost Fatherland. The story of Mennonite emigration from Soviet Russia, 1921–1927. Scottsdale, Pa.: Herald Press, 1967.
- Toews J.B. Die Mennoniten in der Ukraine, 1917–1927. Aspekte ihrer religiösen und ökonomischen Anpassung // *Zeitschrift für Ostforschung*. 1972. № 4 (21). S. 652–677.
- Unger H. Ein paar Worte über die Emigration der Ukrainer Mennoniten nach Amerika // *Die Arbeit*. 1923. № 20 (1). S. 471–473.
- Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). Москва: Варяг, 1995.
- Бордюгов Г.А., Роговая Л.А., Кошелева Л.П. (ред.). Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов // *Свободная мысль*. 1993. № 12. С. 95–96.
- Бруль В. Немцы в Сибири в 1920–1930 гг. // *Немцы России и СССР. 1901–1941: Материалы международной научной конференции*. Москва: Готика, 2000. С. 226–251.
- Бухонова И.Н., Митропольская Т.Б. (ред.). Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сборник документов. Алматы; Москва: Готика, 1997.
- Данилов В.П., Ивницкий Н.А. (ред.). Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. Москва: Политиздат, 1989.
- Джафарли М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку: [б.и.], 1998.
- Иваненко В.В., Голуб А.И. Голод начала 30-х гг. и судьба немецких колонистов // *Вопросы германской истории. Немцы в Украине*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 1996. С. 150–156.
- Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 8. С. 33–35.
- Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. Москва: Готика, 1998.
- Савин А.И. (ред.). Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы. Новосибирск: Посох, 2006.
- Савин А.И. Эмиграция меннонитов из СССР 1929 г. в свете документов Архива внешней политики РФ // *Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции*. Омск: Изд-во Омского университета, 2010. С. 312–322.
- Сахаров А.Н., Христофоров В.С. (ред.). «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 томах. Москва: Институт Российской истории РАН, 2003.
- Сталин И.В. Год великого перелома: К XII годовщине Октября // *Сталин И.В. Сочинения*. Том 12. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 118–135.
- Судоргина Т.В. Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // *Архивы Урала*. 1995. № 2. С. 198–200.
- Филиппова Т. «Исход братьев». Переселение меннонитов из СССР в конце 1920-х годов // *Родина* (Москва). 2002. № 10. С. 91.

References

- Auhagen, O. 1930. Die Ursachen der Massenflucht der deutschen Bauern aus Sowjetrußland. In: *Deutsche Post aus dem Osten*, 1 (5), 271–273 (in German).

- Auhagen, O. 1942. *Die Schicksalswende des russlanddeutschen Bauerntums in den Jahren 1927–1930*. Leipzig: S. Hirzel (in German).
- Belkovets, L.P. 1995. «Bol'shoj terror» i sud'by nemeckoj derevni v Sibiri (konec 1920-h – 1930-e gody) [“The Great Terror” and the fate of a German village in Siberia (late 1920s – 1930s)]. Moscow: Varyag (in Russian).
- Bordyugov, G.A., Rogovaya, L.A., Kosheleva, L.P. (ed.). 1993. Jemigracionnoe dvizhenie sovetskikh nemcev v konce 20-h godov [The emigration movement of Soviet Germans in the late 20s]. In: *Svobodnaja mysl'* [Free Thought], 12, 95–96 (in Russian).
- Brandes, D., Savin, A. 2001. *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938*. Essen: Klartext Verlag (in German).
- Brul, V. 2000. Nemcy v Sibiri v 1920–1930 gg. [Germans in Siberia in 1920–1930]. In: *Nemcy Rossii i SSSR. 1901–1941* [Germans of Russia and the USSR. 1901–1941]. Proceedings of the international scientific conference. Moscow: Gothic, 226–251 (in Russian).
- Bukhonova, I.N., Mitropolskaya, T.B. (ed.). 1997. *Iz istorii nemcev Kazahstana (1921–1975 gg.)* [From the history of the Germans of Qazaqstan (1921–1975)]: Collection of documents. Almaty; Moscow: Gothic (in Russian).
- Cruel Soviet Policies Have Utterly Ruined Russia's Best Farmers. 1929. In: *Mennonite weekly Review*, November 13 (in English).
- Danilov, V.P., Ivnitsky, N.A. (ed.). 1989. *Dokumenty svidetel'stvujut. Iz istorii derevni nakanune i v hode kollektivizacii 1927–1932 gg.* [Documents testify. From the history of the village on the eve and during collectivization of 1927–1932]. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Das deutsche Elend vor den Toren Moskaus. 1929. In: *Hamburger Fremdenblatt*, October 25 (in German).
- Das Rote Kreuz bei Notständen: Deutsche-Russen-Hilfe 1929/30. 1930. In: *Blatt des Deutschen Roten Kreuzes*, 9 (3), 119–128 (in German).
- Day, D. 1929. 90.000 Russian Mennonites May Migrate. In: *Mennonite weekly Review*, November 13 (in English).
- Den Kulaken wird der Boden zu heiß. 1929. In: *Rote Fahne* (Berlin), November 9 (in German).
- Deutsche Sibiriensbauern nach Kanada. 1929. In: *Vossische Zeitung*, Oktober 29 (in German).
- Die Not der Deutschen in der UdSSR ein entlarvter Wahlschwindel. 1929. In: *Rote Fahne* (Berlin), November 14 (in German).
- Die Sibiriendeutschen vor Moskau. Wird die Ausreiseerlaubnis erteilt? 1929. In: *Kölnische Zeitung*, Oktober 26 (in German).
- Dirksen, von G. 1949. *Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Aussenpolitik (1919–1939)*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag (in German).
- Dönninghaus, V. 2002. *Revolution, Reform und Krieg. Die Deutschen an der Wolga im ausgehenden Zarenreich*, Essen: Klartext (in German)
- Ehrt, A. 1931. *Das Mennonitentum in Rußland: von seiner Einwanerung bis zur Gegenwart*. Langensalza; Berlin; Leipzig: Verlag von Julius Beltz (in German).
- Filippova, T. 2002. «Ishod brat'ev». Pereselenie mennonitov iz SSSR v konce 1920-h godov [“The Exodus of the Brothers.” Resettlement of Mennonites from the USSR in the late 1920s]. In: *Rodina* [Motherland] (Moscow), 10, 91 (in Russian).
- Gebhardt, J. 1924. Zur Auswanderungsbewegung unter den Mennoniten. In: *Der Herald*, 37, 5–6 (in German).
- Ivanenko, V.V., Golub, A.I. 1996. Golod nachala 30-h gg. i sud'ba nemeckikh kolonistov [Famine of the early 30s. and the fate of German colonists]. In: *Voprosy germanskoj istorii. Nemcy v Ukraine* [Questions of German history. Germans in Ukraine]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 150–156 (in Russian).
- Jafarli, M. 1998. *Politicheskij terror i sud'by azerbajdzhanskih nemcev* [Political terror and the fate of the Azerbaijani Germans]. Baku (in Russian).

- Kichikhin, A.N. 1990. Sovetskie nemcy: otkuda, kuda i pochemu? [Soviet Germans: where, where and why?]. In: *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 8, 33–35 (in Russian).
- Mick, C. 1995. *Sowjetische Propaganda. Fünfjahrplan und deutsche Rußlandpolitik 1928–1932*. Stuttgart: Franz Steiner (in German).
- Ostasheva, N.V. 1998. *Na perelome jepoh... Mennonitskoe soobshhestvo Ukrainy v 1914–1931 gg.* [At the turn of the epochs... The Mennonite community of Ukraine in 1914–1931]. Moscow: Gothic (in Russian).
- Quiring, W. 1935. Die Urenkel kehren heim. Die Massenflucht der rußlanddeutschen Bauern 1929. In: *Deutschtum im Ausland*, 5 (22), 263–277 (in German).
- Quiring, W. 1990. Die Tragödie eines Auswanderungsversuchs. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Rußland: 1985–1989*. Stuttgart, 100–101 (in German).
- Rosenberg, A. 1929. Das deutsche Bauernsterben in Sowjetrußland. In: *Völkischer Beobachter*. November 29 (in German).
- Rothfels, H., et al. (ed.). 1978. *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945*. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts. Serie B: 1925–1933. Band XII. 1. Juni bis 2. September 1929. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (in German).
- Ruland, B. 1964. *Deutsche Botschaft Moskau. 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West*. Bayret: Deutscher Bücherbund (in German).
- Sakharov, A.N., Khristoforov, V.S. (ed.). 2003. «Sovershenno sekretno»: *Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [“Top Secret”: *Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)*]. Collection of documents in 10 volumes. Moscow: Institute of Russian History RAS (in Russian).
- Savin, A.I. (ed.). 2006. *Jetnokonfessija v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920–1980-e gody* [Ethnoconfession in the Soviet state. Mennonites of Siberia in the 1920s–1980s.]. An annotated list of archival documents and materials. Selected documents. Novosibirsk: Staff (in Russian).
- Savin, A.I. 2010. Jemigracija mennonitov iz SSSR 1929 g. v svete dokumentov Arhiva vneshnej politiki RF [Emigration of Mennonites from the USSR in 1929 in the light of documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation]. In: *Nemcy Sibiri: istorija i kul'tura* [Germans of Siberia: history and culture]. Materials of the VI international scientific and practical conference. Omsk: Omsk University Publishing House, 312–322 (in Russian).
- Stalin, I.V. 1949. God velikogo pereloma: K XII godovshine Oktjabrja [The year of the great turning point: To the XII anniversary of the October Revolution]. In: Stalin, I.V. *Sochinenija* [Essays]. Vol. 12. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 118–135 (in Russian).
- Sudorgina, T.V. 1995. Jemigracija orenburgskih nemcev 1929 g. i ee itogi [Emigration of Orenburg Germans in 1929 and its results]. In: *Arhivy Urala* [Archives of the Urals], 2, 198–200 (in Russian).
- Toews, J.B. 1967. *Lost Fatherland. The story of Mennonite emigration from Soviet Russia, 1921–1927*. Scottdale, Pa.: Herald Press (in English).
- Toews, J.B. 1972. Die Mennoniten in der Ukraine, 1917–1927. Aspekte ihrer religiösen und ökonomischen Anpassung. In: *Zeitschrift für Ostforschung*, 4 (21), 652–677 (in German).
- Unger, H. 1923. Ein paar Worte über die Emigration der Ukrainer Mennoniten nach Amerika. In: *Die Arbeit*, 20 (1), 471–473 (in German).

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.06.2023

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 31.08.2023

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 01.09.2023

